

Мать твою! Этого не может быть. На каком основании? Мы отправляемся на передовую проливать кровь за победу, а они в тылу сидят сложа руки — стоит заявить о расформировании, и дело с концом? В палатке Лагеря Клыков офицер в черных доспехах в ярости ударил кулаком по столу. Его перекошенное от гнева лицо и без того выглядело свирепым, а теперь и вовсе напоминало кровожадного бога войны.

Шань Сюн, остынь. Пока это всего лишь слухи, возможно, все еще обойдется, — попытался успокоить его сидевший на нижнем сиденье офицер с интеллигентными чертами лица.

Как остыть? Ты предлагаешь мне остыть? Я отдал Лагерю Клыков больше всего времени, я служу здесь уже более двадцати лет! Командование несколько раз пыталось повысить меня, переведа наверх, но я из кожи вон лез, лишь бы отказаться. А теперь они хотят расформировать Клыки? Ты понимаешь? Они собираются расформировать Клыки! И ты просишь меня остыть? Шань Сюн был вне себя от ярости. Можно сказать, среди всех присутствующих он был старейшим ветераном, прослужившим в Лагере Клыков дольше всех. Его привязанность к этому месту посторонним понять было невозможно: Клыки стали для него всем, словно жена и дети. Прошлым месяцем ему исполнилось сорок, и братья из лагеря дружно помогли ему отпраздновать день рождения. Семьи у него не было — родители умерли рано, жили бедно, и ни одна девушка не посмотрела бы на бородатого мужчину с устрашающей внешностью. Всю свою жизнь он посвятил Империи и Лагерю Клыков, так до сих пор и не женившись.

Верно, Лагерь Клыков существует столько времени и покрыл себя неувядающей славой. Нельзя вот так взять и распустить его! Пойдемте вместе к маршалу Яну и потребуем объяснений. Если он откажется, мы... мы вернемся домой, сняв доспехи, — поддержал его другой молодой офицер.

Хватит! Официальных бумаг я пока не получал, и говорить об этом преждевременно. Давайте пока понаблюдаем за развитием событий, — нахмурившись, произнес командир Ляо, сидевший на месте главного военачальника. Он прекрасно понимал чувства своих подчиненных — сам отдал Лагерю Клыков больше десятка лет и прикипел к нему всей душой.

Командир Ляо! Поведите нас к маршалу Яну, мы ни за что не допустим расформирования Лагеря Клыков! Пусть в нашем строю осталось чуть больше тринадцати сотен человек, наша боеспособность все равно остается одной из лучших во всей армии. Короче говоря, я против расформирования Клыков! — молодой офицер поднялся на ноги, и при упоминании боевых заслуг на его лице проступило гордое выражение, составляющее честь каждого воина Лагеря Клыков. Эту славу солдаты лагеря ковали собственными телами и кровью.

Кто сказал, что Лагерь Клыков будут расформировывать? — раздался от входа старый, но полный властных ноток голос. Полог палатки откинулся, и вошел Ян Мужун с суровым выражением лица. Его острый взгляд обвел дюжину сидевших офицеров Лагеря Клыков.

А народу тут немало, кажется, все офицеры Лагеря Клыков в сборе, — шагая к командиру Ляо, с усмешкой произнес Ян Мужун.

Подчиненные приветствуют маршала Яна! — гнев гневом, но перед лицом высшего главнокомандующего армией воинские приличия соблюдать было необходимо. Под дружный скрежет доспехов все поспешно поднялись, обошли столы и быстро, стройными рядами опустившись на одно колено, отдали честь.

Хм. Встаньте и говорите, — не глядя на офицеров, Ян Мужун сделал широкий шаг, занял главное кресло командира Ляо и, не тратя времени на предисловия, прямо спросил: — Что это за место?

Докладываю маршалу, это командный штаб Лагеря Клыков, — ответил офицер, ведавший повседневными хозяйственными делами лагеря.

Вот как? А мне почему-то показалось, что это базарная площадь. Вы еще помните, что находитесь в штабе? Зачем вообще нужен штаб? — Ян Мужун поднял голову, обвел взглядом стоящих внизу офицеров и произнес глухим голосом.

Никто не ответил. Все стояли с опущенными головами, почтительно прислушиваясь к наставлениям Ян Мужуна.

Садитесь! — с досадой бросил Ян Мужун.

Есть! — вразнобой отозвались все.

Офицеры расселись по двум рядам в соответствии со своими званиями и в молчании уставились на Ян Мужуна. Никто не произносил ни слова, словно все чего-то ждали. Атмосфера была напряженной: хотя вслух ничего не говорилось, все было написано на лицах, полных надежды.

Не надо так на меня смотреть. Честно говоря, новости, которые я принес, трудно назвать хорошими, — тяжело вздохнув и оценив выражения лиц подчиненных, Ян Мужун продолжил: — Слухи о расформировании Лагеря Клыков, дошедшие до вас, правдивы! Но не полностью! Не думайте, что раз я главнокомандующий, то ничего не знаю о ваших Клыках! Лагерь Клыков был создан раньше, чем я появился на свет! Я сам служил в Клыках! Я знаю воинский дух Клыков: не бросать ни единого товарища, не оставлять на поле боя тела павших героев! Защищать достоинство Империи ценой собственной жизни! Сжигать свою кровь на поле брани! Среди нас никогда не было трусов! — Ян Мужун с чувством предавался воспоминаниям о славном прошлом Клыков; его голос дрожал от волнения, а глаза затуманились влагой, блестя на свету.

Сидевшие внизу офицеры были глубоко тронуты. Они сжали кулаки, до боли закусил губы, изо всех сил стараясь сдержать рвущиеся наружу слезы. Их лица покраснели, а уголки ртов задержались.

Словно ничего не замечая, Ян Мужун устремил расфокусированный взгляд перед собой и

продолжил: — Как я мог позволить расформировать столь доблестное войско? Даже если мне придется сложить здесь свою старую голову, я обязан сохранить его славную историю! Два дня назад главное командование армией Империи отдало мне приказ: временно сохранить номерной знак Лагеря Клыков, а личный состав распределить по другим частям. Когда текущая война завершится и мы вернемся в империю для нового призыва, тогда Лагерь Клыков будет воссоздан.

Наконец кто-то не выдержал, и слезы покатались по щекам. Офицеры отворачивались, украдкой утирая глаза краями рукавов, но влаги становилось только больше. Командир Ляо срывающимся голосом произнес: — Маршал Ян, братья столько лет были вместе: ели из одного котла, мылись, тренировались, шли в бой. Если нас разлучат, это будет горше смерти на поле боя.

Я знаю, но это максимум, которого мне удалось добиться, — Ян Мужун внезапно почувствовал себя совершенно бессильным. Он старался изо всех сил, но даже главнокомандующий полумиллионной армией оказался не в силах защитить один-единственный небольшой лагерь. Услышав эту новость, он был готов выхватить боевой сабельный меч, помчаться в главное командование и порубить на куски этих высокопоставленных чинуш, умеющих лишь вести пустые разговоры за бумагами да раздавать приказы. Но он — солдат, к тому же генерал. Пусть ему очень хотелось этого, поступить так он не мог. Его поступки служили примером для подчиненных, он должен был держать лицо перед армией. На самом деле обид на его долю выпало не меньше, чем на долю этих людей, но на его плечах держалась целая армия.

Доложить!

Солдат, тебе нельзя туда, маршал проводит совещание!

Пропустите, срочное донесение! Если из-за задержки сорвется дело, ты ответишь за это?

Это... но...

Шум за дверью прервал собравшихся. Ян Мужун справился с эмоциями и крикнул наотмашь: — Стража, пустите его!

Есть! Приказ маршала: пропустить!

Благодарю!

В палатку вихрем влетел запыхавшийся солдат, не говоря ни слова, рухнул на колени, хватая ртом воздух, и затараторил: — Докладываю маршалу, срочная весть с границы! На юго-востоке Город Фэнхуан подвергся нападению Клана Демонов. Вражеских сил около трех тысяч, а наш гарнизон насчитывает меньше тысячи регулярных бойцов. Городской лорд просит о подкреплении!

При этих словах глаза командира Ляо вспыхнули. Почему Лагерь Клыков подлежал расформированию? Только потому, что численность личного состава не дотягивала до штатных нормативов. Но если они отправятся на подкрепление в Город Фэнхуан, то смогут напрямую набирать новобранцев в гарнизон, и тогда расформирования удастся избежать!

Сообразив это, командир Ляо вскочил на ноги, подбежал к солдату и, сложив руки перед Ян Мужуном, опустился на колени с просьбой: — Маршал Ян, для Клыков это прекрасная возможность! Мы не должны ее упускать, поручите это задание нам! Пусть в нас всего чуть больше тысячи человек, но сейчас мы — единственное подразделение, уже сражавшееся с Кланом Демонов, и мы знаем повадки их воинов. От лица всех офицеров и солдат Лагеря Клыков я прошу об этом приказом. Надеюсь, маршал пойдет нам навстречу!

Надеемся, маршал пойдет нам навстречу! — все офицеры бросились к командиру Ляо и дружно опустились на колени, в один голос повторив его слова.

Ян Мужун посмотрел на стоявших перед ним на коленях мужчин, и в его сердце что-то дрогнуло. Пожалуй, это действительно был лучший выход. Если им удастся отбить атаку, они смогут расположиться на отдых в Городе Фэнхуан и пополнить ряды новобранцев. Таким образом, Лагерь Клыков удастся спасти, а он заодно посмотрит, как отреагируют имперские чинуши. Это была поистине помощь в нужный момент.

Командир Ляо, слушай приказ! — сменив тон, Ян Мужун вновь принял суровый и величественный вид человека слова.

Подчиненный слушает! — почтительно отозвался Ляо Юнь.

Я приказываю тебе во главе всех воинов Лагеря Клыков выступить на подкрепление в Город Фэнхуан. Если вы отразите врага, я дам тебе особое разрешение набрать новобранцев и восстановить штатную численность!

Приказ принят!

Даю вам два часа на то, чтобы все бойцы привели себя в готовность. Выступаем немедленно!

Есть!

Все рассмеялись. Эти суровые воины улыбались. Избавившись от тяжести на душе, они почувствовали невероятную легкость. Мужчинам не ведом страх перед грядущими боями, какова бы ни была численность врага — солдаты рождены для войны, и смерть на поле брани служит их главной славой. Хуже гибели товарищей для них было лишь расформирование родного подразделения, ведь Клыки заменяли им дом. Лишившись дома, эти закаленные в сражениях воины потеряли бы всё.

Куда это ты? — тихо спросила девушка.

Мои раны почти зажили, мы получили приказ выдвигаться на подкрепление в Город Фэнхуан, — Чжан Бухуэй не смел смотреть ей в глаза. За последние дни совместной жизни он уже привык к присутствию девушки. Каждое утро он неотрывно глядел на вход в палатку в ожидании ее прихода.

Вот как? Ты ведь пришел в себя всего четыре дня назад, — в голосе девушки прозвучала легкая застенчивость.

Ты не хочешь, чтобы я уходил?

Н... нет... Просто врач переживает за пациента, н... ничего больше.

Чжан Бухуэй поднял голову и посмотрел на Е Тяньэр. Впервые за все время он заметил в ее поведении такие нотки. В последние дни их общения роли распределялись так, что слушал в основном он — казалось, у девушки никогда не иссякнут слова. Сегодня же она вела себя крайне необычно.

Брат Бухуэй, отряд собирается, пора выступать! — раздался снаружи голос солдата Лагеря Клыков.

Иду, брат У, — Чжан Бухуэй снова посмотрел на девушку и с сожалением произнес: — Ну, мне пора.

Надолго ты уходишь? — допытывалась она.

Не знаю, в этот раз кампания может затянуться.

Тогда береги себя! Твоя рана еще не до конца зажила, старайся защищать себя в бою. Знаешь? Эти дни ухода за тобой были самыми счастливыми для меня, но я понимаю твой долг: тебе нужно воевать, а я должна оставаться в тылу и лечить раненых братьев. Ты обязан вернуться, я... — девушка неожиданно для себя заговорила срывающимся голосом. Рядом с этим парнем ей всегда было легко и спокойно. Ей очень нравилось, как он молча слушал ее рассказы — с таким искренним вниманием. Мысль о его уходе отзывалась в ее сердце неожиданной тоской.

Я вернусь! И ты тоже береги себя. Я слышал, на окраине Города Фэнхуан есть местечко, где цветет дикий тюльпан — такой же красивый, как ты. Когда я вернусь, то соберу целый букет и принесу его тебе, — пообещал Чжан Бухуэй.

Хорошо, я буду ждать тебя, — с этими словами девушка не выдержала, бросилась вперед и крепко обняла юношу. Ее слезы впитались в его одежду. Судьба порой приходит вот так —

внезапно, даже если знакомство длится всего несколько дней!

<http://bllate.org/book/21106/2142363>